

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ (СТРАЖИ) НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 1941–1943 ГГ.

Аннотация: В статье рассматриваются условия, в которых создавалась вспомогательная полиция (стража), а также вопросы ее комплектования, вещевого и денежного довольствия ее сотрудников, а также развитие организации и структуры вспомогательной полиции на оккупированной территории Смоленской области.

Ключевые слова: военный коллаборационизм, вспомогательная полиция, окружная стража, городская стража, районная стража.

*А.А. Kostyuchenkov,
Independent researcher, Smolensk*

THE ORGANIZATION AND THE STRUCTURE OF THE AUXILIARY POLICE (GUARDS) IN THE OCCUPIED TERRITORY OF SMOLENSK REGION 1941–1943

Abstract: The article discusses the conditions in which the auxiliary police (guard) was created, as well as the issues of its recruitment, clothing and monetary allowance for its employees, as well as the development of the organization and structure of the auxiliary police in the occupied territory of Smolensk region.

Key words: military collaborationism, auxiliary police, district guard, city guard, district guard.

В отечественной истории XX века до недавнего времени существовало множество неизученных, а порой и закрытых для изучения тем. В советский период открытое обсуждение данных вопросов было вовсе запрещено в силу их политического характера. Выходившие в печать подобные сведения были «политкорректно» искажены и не давали полноценной информации. Впрочем, вины у советских историков здесь нет, так как работа проходила по «строгим установкам», и иного выхода у них не было.

Только после распада Советского Союза и установления демократических норм в 1990-е гг. началось рассекречивание и публикация ранее неизвестных материалов. Появилась возможность объективного исследования таких сложных вопросов истории, как, например, военный коллаборационизм (от фр. «Collaboration» — «сотрудничество») — создание и боевое применение антисоветских формирований из советских граждан в составе вермахта, полиции и разведывательных структур на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны. И по оценкам профессиональных историков, на службе германских вооруженных сил в годы войны состояло не менее 1,1 млн наших соотечественников, а, возможно, и более [9, с. 89].

Тема сотрудничества советских граждан с органами оккупационной администрации и вооруженными силами Германии является очень сложной, многогранной и дискуссионной. Но, по мнению доктора исторических наук И.А. Гилязова, «задача историка в данном случае — это не выступление в роли обвинителя или защитника, а стремление представить происходившие в прошлом события более беспристрастно и объективно, не впадая в крайности... Изучая прошлое, мы должны иметь о нем максимально широкое представление, а не выбирать из него только “выигрышные”, героические или удобные сюжеты...» [5, с. 5]. И с этим мнением можно полностью согласиться.

В советской научной литературе добровольцы восточных формирований вермахта¹ и вспомогательной полиции упоминались только как «предатели», «морально разложившийся сброд» и «жалкая кучка гнусных отщепенцев, лишенных рода и племени» [2, с. 429].

За два последних десятилетия были опубликованы научные работы ведущих российских специалистов по данной теме — кандидатов исторических наук С.И. Дробязко, К.М. Александрова, И.Г. Ермолова, Ю. Цурганова, докторов исторических наук Б.Н. Ковалева, А.В. Окорокова и др.² Профессиональным подходом к этому вопросу отличаются работы кандидата исторических наук О.В. Романько (Украина), докторов исторических наук Э.Г. Иоффе (Белоруссия) и П. Станкераса (Литва)³. Известны публикации, монографии и смоленских исследователей — докторов исторических наук Д.Е. Комарова и И.П. Щерова [14, 23].

Большую ценность для изучения представляют документы, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) и Государственном архиве Смоленской области (ГАСО), а также материалы архива Управления ФСБ по Смоленской области.

Благодаря проведенным научным работам была установлена численность и категории антисоветских формирований, проанализировано их развитие и боевое применение на оккупированных территориях СССР. В настоящее время направленность изучения данного вопроса еще более развивается — становится более узкой и носит региональный характер.

Так, например, известно, что в нормативных документах германского военного командования и оккупационной администрации все контингенты добровольцев из числа советских граждан строго различались. В целом выделялись следующие категории:

— «добровольные помощники», или «хиви» (от нем. «Hilfswillige / Hiwi»);

— вспомогательная полиция по поддержанию порядка в тыловых районах;

— боевые части добровольческих формирований вермахта [19, с. 15–16].

Итак, 22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз. Уже вечером 15 июля первые немецкие части вошли в Смоленск. После упорных боев, 29 июля город был полностью занят германской армией. [22, с. 426]. Сразу же начинается создание учреждений оккупационной власти.

Во главе аппарата военной администрации на территории Западной России и Восточной Белоруссии стоял командующий тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр», который одновременно подчинялся командующему группой армий «Центр» и начальнику тыла главного командования сухопутных войск. С июня 1941 г. по июль 1943 г. на этой должности находился генерал М. фон Шенкендорф [19, с. 41]. Штаб командующего тылового района и охранными войсками группы армий «Центр» располагался в Смоленске на ул. Запольной (ныне ул. Твардовского) в зданиях электротехникума и 27-й средней школы с октября 1941 г. по февраль 1943 г. [21, с. 8].

В состав тылового района (с центром в Смоленске) входили Смоленская, Орловская, Витебская, частично Могилёвская и Минская области. С 1 марта 1942 г. Смоленский район был выделен в самостоятельную административную единицу.

В городах и районах действовали военно-полевые комендатуры, опиравшиеся на гражданские управления (управы). Кадры для гражданских управ подбирались немецкими сотрудниками комендатур и службы безопасности СД⁵ из числа местных жителей.

Смоленское городское управление было создано 25 июля 1941 г. и состояло из 6 человек. К 10 августа его штатная численность уве-

личилась до 250 человек, среди которых было немало представителей интеллигенции. Управление располагалось в здании бывшего Дворянского собрания на Ратушной улице (ныне здание Смоленской областной филармонии на ул. Глинки). По данным смоленских архивов, управление состояло из 10 отделов. Начальником города (бургомистром) Смоленска был назначен бывший адвокат Б.Г. Меньшагин [1, с. 9–10].

Одним из сторонников создания вспомогательной полиции (и других категорий добровольческих формирований) был генерал М. фон Шенкендорф. Еще 7 июля 1941 г. он подписал первое административное распоряжение, в котором подчеркивались задачи военных комендантов по созданию органов местного управления и полиции порядка [13, с. 30]. Далее фон Шенкендорф предложил сформировать при штабах охранных дивизий кавалерийские эскадроны из освобожденных военнопленных украинской и белорусской национальности. По сведениям историка С.И. Дробязко, это предложение поддержало германское командование, которое 16 ноября 1941 г. обязало командующих тыловыми районами групп армий сформировать при каждой из 10 охранных дивизий конную сотню [10, с. 43].

Созданию частей местной полиции способствовал и приказ генерал-квартирмейстера от 25 июля 1941 г. № 11/4590 об освобождении советских военнопленных ряда национальностей: немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а затем и белорусов. Позднее, распоряжением ОКВ⁶ от 13 ноября 1941 г. № 3900 дальнейшее действие этого приказа было приостановлено. Всего в этот период было освобождено 318770 чел., из них в зоне ОКХ — 292702 чел., в зоне ОКВ — 26068 военнопленных. В общем числе освобожденных находилось 277 761 украинцев [4, с. 320–321].

Следует отметить, что состав добровольцев из военнопленных и местных жителей был крайне неоднородным, и его можно разделить на несколько групп:

- 1) пострадавшие от репрессий, принудительной коллективизации и других социальных потрясений, вызванных политикой сталинского руководства в 1920–1930 гг., задевших все слои советского общества. Многие из них в тот период прошли ад лагерей НКВД и спецпоселений или потеряли в них своих родных;

- 2) мужское население на оккупированной территории — с целью избежать принудительного угона на работы в Германию;

- 3) военнопленные — с целью избежать смерти от болезней, голода, безжалостного обращения охраны и нечеловеческих условий в лагерях;

- 4) военнопленные, которые надеялись получить оружие и при первой же возможности перейти на сторону партизан или Красной Армии;
- 5) агенты советских партизанских отрядов и подпольных организаций — с целью разведывательных и диверсионных работ.

Одни из самых жестоких испытаний выпали на долю бойцов и командиров Красной Армии, попавших в немецкий плен. В зиму 1941–1942 гг. из 3,9 млн советских военнопленных более двух миллионов умерло в лагерях [10, с. 46]. Ещё больше ситуацию усугубляло то, что Советский Союз не ратифицировал в свое время Женевскую конвенцию о военнопленных от 27 июля 1929 г. Также, согласно статье 193–22 Уголовного кодекса РСФСР, сдача в плен, не вызванная боевой обстановкой, каралась высшей мерой наказания — расстрелом с конфискацией имущества. Более того, согласно приказу Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г., оказавшиеся в плену вне зависимости от обстоятельств, становились предателями и дезертирами [10, с. 55, 58]. Такое безнадежное положение только способствовало вербовке военнопленных в добровольческие части вермахта и местной полиции.

Самые крупные постоянные лагеря военнопленных — шталаги⁷ — на территории Смоленской области находились в Рославле (№ 130), Смоленске (№ 126) и пересыльный лагерь в Вязьме.

20 июля 1941 г. на окраине Смоленска по ул. Краснинское шоссе в бывших военных складах немецким командованием был открыт лагерь для военнопленных № 126 и на территории Нарвских казарм филиал этого лагеря.

Помещения, в которых содержались пленные и гражданские лица, представляли из себя деревянные, неутепленные, без печей, потолков и полов сараи, куда проникала вода, снег и холодный ветер. Вместо нормальной вместимости помещений в 3–4 тыс. чел. немцы загоняли туда до 30 тыс. чел. Больные тифом и дизентерией, раненые находились вместе со здоровыми, последние заражались, и зимой 1941 г. сыпной тиф имел очень большое распространение, как и вшивость. Баня и санобработка отсутствовали до половины 1942 г. Два раза в день выдавалась пища, состоявшая из жидкой похлебки — вода с затхлой ржаной мукой, совершенно не соленая. Голод, кошмарные бытовые условия, безудержный террор со стороны охраны лагеря и изнурительные, непосильные работы довели некоторых военнопленных до грани безумия. Из-за отсутствия пищи военнопленные вырезали куски мяса из трупов умерших и употребляли в пищу. В начале ноября 1941 г. по приказу начальника лагеря было повешено четыре военнопленных, осужденных за людоедство. Всего же за

время существования лагеря с 20 июля 1941 г. по 25 сентября 1943 г. погибло 60 тыс. советских военнопленных [7, ф. 1630, оп. 2, д. 29, л. 104–111].

В первых числах августа 1941 г. при городском управлении по предписанию комендатуры был организован отдел охраны. Начальником отдела охраны в это время был Глеб Умнов — бывший преподаватель техникума связи. Позднее, по распоряжению бургомистра Б.Г. Меньшагина, он был снят с этой должности из-за неудовлетворительной работы охраны и направлен на службу в полицию безопасности и СД, где занимался радиоперехватом сообщений подпольных радиопередатчиков в Смоленске и его окрестностях [16, с. 63, 65, 72].

По состоянию на январь 1942 г. в городской охране числилось 88 охранников и 6 следователей административного и оперативного отделов. Более чем на 80% охрана состояла из военнопленных, которых вербовали за колючей проволокой лагеря № 126 [16].

На развитие организации местной полиции повлияли и члены крупнейшей антисоветской организации НТСНП⁸, получившие прозвище «берлинцы». Они прибыли в Смоленск тремя потоками — в сентябре, в конце октября 1941 г. и в январе — феврале 1942 г. Всего прибывших было около ста человек. Прибывали в штатском, при себе имели оружие и документы, выданные германской разведкой. «Берлинцев» сразу же назначали на руководящие должности в органы оккупационной администрации [16, с. 46–47]. Члены НТСНП были назначены на должности в городскую охрану.

В Смоленской, Брянской областях и на востоке Белоруссии организаторами мобильных отрядов ОД⁹ также были и белорусские националисты, эмигранты Д. Космович и М. Витушка. Для привлечения населения к борьбе с партизанами был применен комплекс мер:

- освобождение жителей районов от повинностей и налогов;
- запрещение реквизиций.

Из местных жителей были организованы конные и пешие отряды по 100–150 человек, командирами которых назначались офицеры, специально освобожденные из лагерей военнопленных. Постепенно создавалась система охраны важных объектов. Общая численность отрядов ОД в Смоленском округе возросла до 3 тыс. человек [9, с. 36].

В соответствии с одной из рекомендаций германского командования для бургомистров тыловых районов группы армий «Центр», на полицию возлагались следующие обязанности:

- 1) уголовно-полицейские (преследование и пресечение уголовных преступлений);

2) государственно-полицейские (преследование и раскрытие преступлений, направленных против частей германской армии);

3) охрана общественного порядка (надзор за дисциплиной жителей населенных пунктов, контроль за соблюдением правил дорожного движения, пожарная охрана, надзор за санитарным состоянием улиц, караульная служба);

4) особого назначения (содействие германским частям и восточным формированиям вермахта в борьбе с партизанами, воздушно-десантными отрядами РККА, сопровождение продовольственных обозов от крестьянских общин до сборных пунктов) [12, с. 106].

Таким образом, летом 1942 г., в соответствии с данной рекомендацией, вспомогательная полиция в Смоленском округе была реорганизована и переименована в окружную, городскую и районную стражу, каждая из которых состояла из 3–4 отделов и имела своих руководителей:

начальник окружной стражи — Д. Космович;

начальник городской стражи — Сверчков;

начальник районной стражи Смоленского района — Петров;

начальник районной стражи Починковского района — А. Цынгалов;

начальник районной стражи Кардымовского района — Антонов;

начальник районной стражи Руднянского района — Твердяков;

начальник районной стражи Касплянского района — Бердяев;

начальник районной стражи Краснинского района — Климов;

и. о. начальника районной стражи Монастырщинского района — Филлиппенко [6, ф. 8, оп. 2, д. 165, л. 16].

О подробностях реорганизации полиции в Монастырщинском районе известно из протокола допроса бывшего полицейского В.Г. Грачева от 4 августа 1947 г. (стиль и орфография сохранены): «В июне месяце 1942 года в связи с реорганизацией полиции в нашем районе была создана полиция из трех отделов, из них 1 отдел — вел борьбу с уголовной преступностью, 2 отдел — политический отдел вел борьбу с политическими преступлениями; выявлял советско-партийный актив, лиц враждебно настроенных к немцам, 3 отдел — служба порядка. При распределении полицейских по отделам принималось во внимание образование при чем более грамотные полицейские назначались в 1 и 2 отдел, а остальные в 3 отдел. Я лично был назначен во 2 отдел на должность агента и работал в этой должности с 15 июля 1942 года до последних чисел августа 1942 года...» [3, л. 1]. Численность полицейских в Монастырщинском районе составляла до 600 человек, а в распоряжении районного управления имелась

специальная школа для подготовки полицейских кадров, численностью до 100 человек [3, л. 9].

В районных центрах Смоленской области вопросы комплектования полиции, служебных обязанностей, заработной платы и льгот для сотрудников регламентировались соответствующими распоряжениями.

Согласно приказу № 21 по Духовщинской городской полиции от 4 марта 1942 г. была установлена зарплата рядовым сотрудникам в размере 400 рублей, старшему сотруднику по кадрам и хозяйственной части — 500 рублей. Все имущество и штрафы, поступавшие из района от партизан, их семей и лиц, помогавшим партизанам, зачислялись в пользу городской полиции по равным частям. Всем сельским полицейским были обещаны в первую очередь первые земельные участки. Семьи городских полицейских и сами полицейские с 1 марта обеспечивались хлебным пайком в соответствующие размере:

- 1) сотрудник получает 1 кг;
- 2) члены семьи по 500 гр.

В случае смерти сотрудников как городской полиции, так и сельской, их семьи обеспечивались денежным пособием в течение 5 лет по 2000 рублей ежегодно в марочной системе [7, ф. 2590, оп. 1, д. 1, л. 4].

Через месяц, согласно приказу № 10 от 3 апреля 1942 г. по Духовщинскому городскому управлению, была установлен штат городской полиции в числе 50 человек бойцов с окладом 300 рублей в месяц и одного начальника отряда с окладом 500 рублей в месяц. Штат волостной полиции включал 25 человек с окладом 200 рублей в месяц и одного начальника волостной полиции с окладом 300 рублей в месяц. Всю деревенскую охрану подчиняли начальнику волостной полиции, и сотрудникам без его разрешения было запрещено отлучаться из своих деревень. [7, ф. 2590, оп. 1, д. 1, л. 2].

Приказом начальника городской полиции от 17 апреля 1942 г. начальникам волостной полиции устанавливались дисциплинарные меры и пояснения к служебным обязанностям. Так, было категорически воспрещено хождение с оружием в город без дела работников волостной полиции и сторожевой охраны селений. При командировании людей по делам службы последние должны иметь с собой оружие и командировочную справку, а уходящие по другим причинам — без оружия и увольнительную записку, без чего сотрудники будут задерживаться и направляться под стражу. Начальнику волостной полиции рекомендуется держать свой отряд в состоянии полной боевой готовности, чтобы в любой момент дать отпор партизанам. Во избежание несчастных слу-

чаев при применении оружия начальнику волостной полиции следует связаться с ближайшей частью германской армии, которая сможет оказать помощь и действовать самостоятельно лишь при внезапном нападении партизан [7, ф. 2590, оп. 1, д. 1, л.1].

В других районах области уделялось еще большее внимание социальной защите семей погибших полицейских, что видно в постановлении № 2 Ершичского управления бургомистра от 2 февраля 1942 г.:

«...Управление бургомистра Ершичского р-на ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Установить пенсию семьям, потерявшим кормильца в борьбе против партизанских отрядов в размерах:

а/ семье, потерявшей кормильца, выдается единовременное пособие в сумме 1000 руб.

б/ ежемесячно выплачивать пенсию при двух детях — 100 р., при трех — 175 р., имеющие более трех детей — 250 руб.

г/ если семья, потерявшая кормильца не имеет средств к существованию, снабжать ее хлебом и одеждой за счет тех колхозов на территории которых проживает семья». [7, ф. 2740, оп. 1, д. 15, л. 108]

Также в Еришичском районе было запрещено бургомистру и старосте реквизировать коров для нужд германской армии с граждан, пострадавших от партизан, раскулаченных, сосланных и полицейских. Нарушение старостой и бургомистром данного приказа Управления руководителя Ершичского района рассматривался как саботаж [7, ф. 2740, оп. 1, д. 15, л. 159].

В Управлении рассматривались и жалобы населения на сотрудников полиции. Так, например, поступало много заявлений о том, что полицейские не дают своих лошадей другим гражданам своей деревни, у которых лошадей не было. Ответ начальника района от 20 июня 1942 г. гласил: «Считаем такое положение недопустимым и предлагаем всем полицейским давать своих лошадей прикрепленным к ним гражданам для обработки земли в свободное время. Все виновные в нарушении настоящего распоряжения будут оштрафованы» [7, ф. 2740, оп. 1, д. 15, л. 312].

Постепенно решались вопросы с обмундированием и знаками различия местной полиции. В административном распоряжении № 1 генерала М. фон Шенкендорфа от 7 июля 1941 г. говорилось, что сотрудники местной полиции должны носить белую повязку с надписью «Вспомогательная полиция». Сотрудникам было разрешено носить свою гражданскую одежду, а бывшим бойцам и командирам Красной Армии — советскую униформу со снятыми знаками различия.

В августе 1942 г. вышел приказ ОКХ № 8000/42 «В отношении вспомогательных сил на оккупированных восточных территориях». Приказ

также вводил и новые знаки различия для вспомогательной полиции и восточных формирований вермахта. Звания фактически соответствовали занимаемым должностям:

- стрелок (рядовой);
- заместитель командира отделения;
- командир отделения;
- заместитель командира взвода;
- командир взвода;
- командир роты;
- командир батальона.

В приказе отмечалось, что «прочие... воинские звания не допускаются» [13, с. 189–190].

Данные знаки различия были представлены в виде погон и петлиц. Погоны были германского образца из сукна темно-зеленого цвета с серебристыми лычками (для нижних чинов). Для офицеров были введены узкие серебряные погоны. Петлицы и окантовка погон были зелеными у вспомогательной полиции, а в охранных частях (восточных частях вермахта) — красной. Также, согласно приказу № 8000/42, вводилась нагрудная эмблема в виде заключенной в ромб свастики с «крыльями», заменявшая германского орла.

Но данные требования не всегда соблюдались. В Смоленске сотрудники стражи, помимо регламентированных темно-зеленых петлиц, носили темно-зеленые погоны с белой выпушкой, а также темно-зеленый треугольник с белой выпушкой на левом рукаве и головном уборе [11].

В соответствии с данным приказом сотрудники полиции, как и солдаты восточных частей вермахта, должны были получать обмундирование с трофейных вещевых складов (в первую очередь советскую униформу). Однако, в немецком пропагандистском фильме «Наши друзья» о смоленской городской страже, снятом в мае 1943 г. в деревне Рай, недалеко от Смоленска, можно увидеть сотрудников полиции в основном в немецкой полевой униформе, и лишь некоторых — в советских гимнастерках. Помимо этого, у некоторых полицейских на темно-зеленых треугольных шевронах нашиты буквы «ОД» [13, с. 208–209].

Одной из форм поощрения сотрудников полиции являлось предоставление земельных участков. Так, в Хиславичском районе «за добросовестное исполнение служебных обязанностей немецкое командование наделило хуторами начальника района г. Шевандина, начальника полиции г. Бабкова и его помощника г. Скребунова. Шевандину предо-

ставлено 3 га пахотной земли и 2 га луга, Бабкову тоже и Скребунову 2 га пахотной земли и 1 га луга» [18].

Другой формой поощрения было награждение знаком отличия для восточных народов «За храбрость» и «За заслуги», учрежденным 14 июля 1942 г. На протяжении войны эта награда стала одной из самых известных и массовых для поощрения добровольцев восточных соединений вермахта и вспомогательной полиции, а также гражданских лиц. На оккупированных территориях награду часто именовали «орденом». Официальная информация об учреждении награды прошла почти во всех газетах, в том числе и в смоленском «Новом пути» от 15 октября 1942 г.

Отличившиеся в боевых действиях добровольцы награждались знаком с мечами («За храбрость»), за гражданские заслуги — без мечей («За заслуги»). Также награда имела следующую категорию: II степень — в «бронзе», в «серебре» и в «золоте»; I степень — в «серебре» и в «золоте».

В периодической печати создавался образ полицейского и его обязанностей: «Работа в страже — это почетная и ответственная работа, требующая от стражника безукоризненной честности, порядочности, находчивости, смелости и решительности. Стражник — это отважный патриот своей родины...» [17].

Итак, за несколько лет немецкой оккупации структура вспомогательной полиции постоянно развивалась. В Смоленске — от отдела охраны при городском управлении до службы порядка (Ordnungsdienst — OD), затем реорганизованной и переименованной в городскую стражу, состоящую из четырех отделов. В районах области — от небольших отрядов полиции до районной стражи из 3–4 отделов с регламентированным штатом сотрудников.

Но окружная, городская и районная стража являлась лишь инструментом установления «нового порядка» политики нацистской Германии на оккупированных территориях. Сотрудники стражи участвовали почти во всех антипартизанских операциях, в которых не было пощады с обеих сторон.

Некоторые полицейские, разочаровавшись в оккупационной политике и поняв обман германских властей «об освобождении России от большевизма», с оружием в руках переходили на сторону советских партизан. Другие полицейские, которые участвовали в массовых расстрелах мирного населения, отступали вместе с германской армией, скрываясь от советского правосудия. Третьи сотрудники стражи, особенно в сельской местности, не желали покидать свои дома и семьи, но осознавая обреченность своего положения, сражались с партизанами до последнего

человека. Но эти моменты войны — тема для отдельного, более подробного исследования.

Изучение вопросов военного коллаборационизма, и в частности, истории вспомогательной полиции, ее организации и боевого применения на оккупированных территориях СССР поможет понять сложные и неизученные страницы Великой Отечественной войны — самого тяжелого и трагического события в истории России XX века.

Литература

1. ...Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков. — Смоленск, 2003. — 151 с.
2. Андрианов В.Н., Быстров В.Е. Война в тылу врага. — М., 1974. — 447 с.
3. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Смоленской области. Архивная справка по материалам уголовного дела № 996. Л. 1.
4. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. — М., 2010. — 380 с.
5. Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». — М., 2009. — 383 с.
6. Государственный архив новейшей истории Смоленской области.
7. Государственный архив Смоленской области.
8. Дробязко С.И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. — М., 2000. — 47 с.
9. Дробязко С.И. Восточные формирования в составе вермахта. Проблема определения численности // Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина (Москва, 12 ноября 2009 года): материалы международного круглого стола. — М., 2010. — 222 с.
10. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. — М., 2004. — 604 с.
11. Дробязко С.И. Русская освободительная армия. — М., 2000–44 с.
12. Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками? 1941–1944. — М., 2010. — 383 с.
13. Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. — М., 2010. — 304 с.
14. Комаров Д.Е. Великая Отечественная война: боевые действия, власть, народные массы. Региональный аспект. 1941–1945 гг. (На материалах Смоленской области). — Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 2007. — 32 с.
15. Котов Л. Реликты войны... «Волчья стая» // Край Смоленский, 1991. № 2. С. 42–56.
16. Котов Л. В Смоленске оккупированном... // Край Смоленский, 1994. № 7–8. С. 58–77.
17. Новый путь (Смоленск). 1942. 1 октября.
18. Новый путь (Смоленск). 1943. 16 мая.
19. Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945. — М., 2008. — 432 с.

20. Романько О.В. Органы управления на оккупированной территории Белоруссии в 1941–1944 гг. // Военно-исторический журнал, 2008. № 4. С. 39–44.
21. Сведения о размещении немецких организаций в Смоленске в 1941–1943 годах // Рабочий путь, 2004. № 16–17. С. 8.
22. Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. — Смоленск, 2003. — 623 с.
23. Щеров И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. — Смоленск, 2005. — 432 с.

Примечания

1. В немецких документах, они получили название «восточных» формирований, т.е. из представителей «восточных народов» — народов СССР.
2. Например: Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945 гг. — М., 2004; Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели: Сборник статей и материалов. — М., 2005; Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления, 1941–1943. — М., 2009; Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша, 1939–1945. — М., 2010; Ковалев Б.Н. Указ. соч.; Окорочков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. — М., 2007 и др.
3. Например: Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2003; Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика, 1939–1945 гг. — Минск, 2007; Станкерас П. Литовские полицейские батальоны 1941–1945 гг. — М., 2009 и др.
4. Например: Комаров Д.Е. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине // Край Смоленский, 2003. № 3–4. С. 21–44; Щеров И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе, 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. — Смоленск, 2005.
5. Sicherheitsdienst (SD) — Служба безопасности (СД).
6. ОКВ — ОКВ — Oberkommando der Wehrmacht — Верховное командование вермахта; ОКХ — ОКН — Oberkommando des Heer — Главное командование сухопутных войск вермахта.
7. От нем. Mannschafts — Stammlager (Stalag).
8. НТСНП — Национально-трудовой союз нового поколения. Зарождение организации из эмигрантской молодежи относится к середине 1920-х гг. В 1931 г. в на II съезде в Белграде получил свое окончательное название. Цель организации — борьба с большевизмом. Для подготовки людей и переброски их в СССР были созданы специальные школы. С началом нападения Германии на СССР руководство НТСНП сделало ставку на силу немецкого оружия, рассчитывая с его помощью

освободить Россию от большевизма. С этой целью многие члены НТСНП поступили на службу в военные, пропагандистские, полицейские структуры на оккупированных территориях СССР. С 1943 г. организация стала называться НТС (Национально-трудовой союз). После войны НТС поддерживал контакты с английской и американской разведывательными службами. Члены НТС до 1990 г. занимались тайной доставкой нелегальной литературы в СССР и вывоза за рубеж самиздата. См: Окороков А.В. СССР против США. Психологическая война. — М., 2011. — С. 147–150, 173.

9. Ordnungsdienst (OD) — служба порядка — название местной полиции в тылу группы армий «Центр». Позднее переименована в стражу ОД.